

С Л О В О

н а в т о р у ю П а с с и ю.

Бл. хр.!

Когда вы слышите исторію страданій Христовыхъ, встрѣчаете въ ней рядъ именъ тѣхъ свящ. мѣстъ, среди которыхъ совершилось спасеніе міра; не является ли у васъ желаніе взглянуть окомъ вѣры на эти свящ. мѣста, не переноситесь ли вы мыслию въ этотъ далекій Іерусалимъ—колыбель христіанства—, въ стѣнахъ и около котораго прошли послѣдніе часы земной жизни Іисуса Христа. Если вообще нѣмые памятники исторіи дороги по тѣмъ урокамъ, какіе они даютъ позднѣйшему человѣчеству, то нигдѣ эти уроки такъ не внушительны, какъ среди свящ. памятниковъ Іерусалима, связаннаго съ исторіею нашего спасенія. И если когда, то въ дни поста и воспоминанія страданій Христовыхъ значеніе Іерусалима безмѣрно возрастаетъ въ глазахъ христіанина. Тамъ, говоритъ одинъ благочестивый путешественникъ, самые камни и скалы окрестныя способны пробудить уснувшую совѣсть; тамъ на каждомъ шагу урокъ вѣры и покаянія, которое въ другихъ мѣстахъ часто бываетъ не искренно и лицемерно, но въ Іерусалимѣ никогда. Вотъ почему многія тысячи христіанъ, не ограничиваясь воспоминаніемъ Іерусалима, съ наступленіемъ настоящаго поста спѣшатъ туда—уронить слезу

на гробъ Господень и принести покаяніе во грѣхахъ тамъ, гдѣ за нихъ принесена жертва небесному правосудію. Благо имъ!.... Очи Господни выпу обращены на эти св. мѣста, и слеза, смѣшанная съ прахомъ, пропитавшимся нѣкогда кровію Сына Божія, не можетъ остаться напрасною.

Но, конечно, и всѣ, далекіе отъ этого религіознаго центра вселенной, внутреннимъ тяготѣніемъ и всѣмъ тѣмъ, что у насъ совершается въ дни пассій, настроены обращаться туда же, на востокъ солнца, въ эту, хотя и другую, чѣмъ наша, но тѣмъ не менѣе родственную для каждого христіанина страну свѣта. Въ настоящія минуты намъ отраднѣе будетъ помочь вашему благочестивому вниманію перенестись къ мѣсту смерти Христовой и пройти тѣмъ путемъ священнымъ, который у благочестивыхъ жителей Іерусалима извѣстенъ подъ именемъ *страстнаго*.

О, любовь безконечная! Съ трепетомъ, какъ нѣкогда боязливые ученики твои, принимаемъ къ великому и спасительному, страстному пути Твоему, на который Ты желалъ обратить взоры послѣдователей Твоихъ, когда говорилъ: «кто Мнѣ служить, за Мною пусть съѣдетъ; куда Я, туда и слуга Мой».

На восточной сторонѣ Іерусалима, на скатѣ горы Елеонской, покрытомъ масличными деревьями, потомками тѣхъ самыхъ деревьевъ, которыя не разъ тѣнію своею укрывали Иисуса Христа и Апостоловъ, и доселѣ еще существуетъ по ту и другую сторону дороги, ведущей въ гору Елеонскую, обнесенный каменною оградю, небольшой садикъ, принадлежащій мѣстечку Геосиманіи. Это именно то мѣсто, съ котораго начался страстный путь Христа Спасителя. Вспомните, сл. бл., сказаніе о той ночи, когда съ тремя учениками Иисусъ Христосъ вышелъ сюда изъ города для послѣдней молитвы и душевнаго успокоенія. Для простаго глаза это была прекрасная ночь съ полною, четырнадцати-дневною луною, съ совершенно безоблачнымъ небомъ, потому что

облаковъ на Іерусалимскомъ горизонтѣ около времени Пасхи не бываетъ. Прибавьте къ этому совершенное уединеніе, свѣжесть загороднаго сада въ ночное время, на первой порѣ весны и вы будете имѣть общее представленіе о той видимо—пріятной обстановкѣ, какую можно было найти въ это время въ саду геосиманскомъ. Но не такими были этотъ садъ и эта ночь для Христа Спасителя. Оставленный и не понятый всѣми, не нашедшій сочувствія даже въ своихъ трехъ любимыхъ ученикахъ, уснувшихъ на уступѣ скалы,—которую доселѣ показываютъ въ смежности съ геосиманскимъ садомъ, какъ вѣчный укоръ безпечному человечеству,—Исусъ Христосъ не находигъ сочувствія себѣ въ самой природѣ, которая, въ своемъ нагомъ весеннемъ ликованіи вовсе не соотвѣтствовала кануну великихъ для всего міра событий. Такимъ образомъ для своей молитвы Исусъ Христосъ скрывается отъ самой этой природы, не узнавшей скорби Творца своего, въ пещеру. Пещеры, кіоски и часовни были очень обыкновенны во всѣхъ садахъ древняго Іерусалима; они строились съ благочестивыми цѣлями, большею частію служа семейными гробницами, и были открытыми. Толпы нищихъ, прокаженныхъ, изгнанниковъ всякаго рода, находили обыкновенно мѣсто въ этихъ пріютахъ, принадлежавшихъ болѣе міру загробному, чѣмъ настоящему. Итакъ Исусъ Христосъ, для рожденія котораго нашлось мѣсто только въ ясляхъ, и для послѣднихъ минутъ своихъ могъ воспользоваться только могильнымъ подваломъ. Въ настоящее время изъ этой пещеры устроенъ скромный придѣлъ, надъ престоломъ котораго изображена очень извѣстная, но здѣсь имѣющая особенное значеніе картина молящагося на колѣнахъ Спасителя, принимающаго изъ рукъ ангела чашу, которая не должна была пройти мимо; на боковой стѣнѣ видны дремлющіе три апостола съ дѣтскою безпечностію на сонныхъ лицахъ. Нужно ли прибавлять, какія мысли выносить изъ этого мѣста христіанскій путешественникъ?..

Но вотъ совершилось предательство и шумная толпа увлекаетъ Иисуса изъ геосиманскаго уединенія. Отъ сада геосиманскаго начинается подъемъ на скалы Іерусалима, отдѣляемый еще небольшимъ потокомъ Кедрскимъ, по которому направилось шествіе. Все это мѣсто, ниже геосиманскаго сада, вдоль потока Кедрскаго, называется часто и у насъ произносимымъ, печальный смыслъ имѣющимъ, именемъ Іосафатовой долины. Уже по одному естественному положенію своему, съ своими приземистыми, согнутыми, безцвѣтными оливковыми деревьями, этотъ оврагъ имѣетъ очень унылый видъ. Съ незапамятныхъ временъ онъ всегда служилъ мѣстомъ погребенія. Вдоль бѣлыхъ каменистыхъ береговъ Кедрона лежитъ прахъ сотни человѣческихъ поколѣній, прахъ іевусеевъ, евреевъ, египтянъ, сирійцевъ, македонянъ, римлянъ. Важнѣйшія изъ древнихъ гробницъ извѣстны по именамъ напр., гробница Авессалома, Іосафата, Іакова, Захаріи; вокругъ этихъ святыхъ и царей тысячи безименныхъ могилъ съ насыпями и надгробными плитами, такъ что вся мѣстность противъ горы масличной можетъ назваться однимъ великимъ кладбищемъ. Можетъ быть такое направленіе пути взяли ведшіе Иисуса воины по грубой наклонности къ сильнымъ ощущеніямъ, какія можно было найти въ этой долинѣ смерти, наполненной ночными шакалами; можетъ быть при этомъ имѣлась въ виду злобная насмѣшка надъ Иисусомъ, называвшимъ себя свѣтомъ и жизнью. Во всякомъ случаѣ этотъ трудный переходъ былъ вдвойнѣ тяжелъ для Богочеловѣка. Есть преданіе, что во время перехода долиною Іосафатовою Іисусъ Христосъ упалъ колѣномъ на могильный камень; потомъ стертый съ тропы толпою уступился въ потокъ и, мучимый жаждою, напился его мутной воды. Но съ другой стороны это прохожденіе Спасителя дорогою смерти даетъ глубокую знаменательность. Пройдя среди памятниковъ временъ минувшихъ, Іисусъ Христосъ обвелъ своимъ божеств. взоромъ весь міръ древній, ожидавшій его пришествія, міръ пророковъ и царей іудей-

скихъ, приводя ихъ во свидѣтельство того, что творилось теперь и что имъ дано было видѣть въ откровеніи. Не много картинъ представляетъ человѣческая исторія и искусство, которыя бы, по своей печальной поэзіи и по своей глубокой назидательности, производили такое безконечное, духъ потрясающее впечатлѣніе, какое должна была производить картина шествія божественнаго Страдальца среди буйной толпы между могильными холмами, при свѣтѣ луны, никогда еще не озарявшей такого страшнаго и непонятнаго зрѣлища.

Перейдя потокъ Кедрскій, іудеи, ведшіе Іисуса, обогнули поворотъ Іерусалимскихъ стѣнъ на югозападъ и, въ поруганіе надъ Іисусомъ, направились въ городъ чрезъ самыя грязныя ворота, называвшіяся гнойными, хотя имъ гораздо удобнѣе было пройти такъ называемыми золотыми воротами, которыми не задолго предъ симъ торжественно проходилъ Іисусъ Христосъ, при крикахъ: осанна! Теперь, на мѣстѣ прохожденія Христа Спасителя, около гнойныхъ воротъ, течетъ чистый источникъ, названный именемъ пресв. Дѣвы Маріи. Этимъ путемъ въ ту же ночь Іисусъ Христосъ приведенъ былъ въ домъ Анны, тестя первосвященника, а потомъ въ домъ Каіафы, самаго первосвященника. Оба эти дома лежали на самомъ южномъ концѣ Іерусалима. Въ домѣ Каіафы первое пѣніе пѣтуховъ возвѣстило полночь, ознаменовавшуюся печальнымъ обстоятельствомъ отреченія ап. Петра.

Это была еще только первая половина страстнаго пути Богочеловѣка. Изъ дома первосвященника, при многочисленномъ стеченіи вельможъ, священниковъ и народа, Іисусъ Христосъ отсылается на судъ къ Пилату въ видѣ возмутителя общественнаго покоя. Такъ какъ домъ Пилата былъ въ самой сѣверной части Іерусалима; то Іисусъ Христосъ долженъ былъ въ обычной для преступниковъ обстановкѣ пройти чрезъ весь городъ, тотъ самый городъ, который Онъ особенно любилъ и для котораго въ особенности не щадилъ своихъ благодѣяній. И если по загороднымъ

дебрамя Іисусъ Христосъ проведенъ былъ ночью, то на позорищѣ, по площадямъ городскимъ долженъ былъ пройти полнымъ днемъ. Но вотъ и грозный дворецъ Пилата. По виду своему онъ ничѣмъ не напоминалъ другихъ іерусалимскихъ зданій, скромно жавшихся одно къ другому; но состоялъ изъ цѣлаго ряда широкихъ зданій въ греческомъ вкусѣ, съ порфировыми колоннами, широкою каменною стѣною, террасами для прогулокъ и бастіонами для защиты отъ нападений. Открытые дворы здѣсь были усажены деревьями и цвѣтами, среди зелени которыхъ проведены были каналы и изобильно текла вода. Фонтаны струились изъ ртовъ дельфиновъ и фантастическихъ существъ; стаи голубей носились въ воздухѣ; садъ пріютился на болѣе низменной мѣстности двора выходившей на югъ. Все дышало здѣсь новымъ западнымъ, не еврейскимъ духомъ. Іудеи, приведшіе Іисуса, даже не вошли въ дворъ Пилатовъ, чтобы не оскверниться духомъ язычества предъ Пасхою. Среди такой обстановки предъ дворцомъ возвышалось судное мѣсто, какъ его называютъ евангелисты Гавваа или Лиоостратонъ, то есть выложенная разноцвѣтнымъ мраморомъ скамья, на которой совершалось судопроизводство. Вступивъ въ широкій дворъ Пилатовъ, Іисусъ Христосъ вошелъ такъ сказать въ новую область, сталъ предъ лицомъ тогдашняго языческаго греко-римскаго міра. Еще одно испытаніе нужно было. Нужно было, чтобы міръ языческій принялъ участіе въ безвинномъ уничиженіи бож. Страдалца. Но здѣсь уже чаша переполнилась и приговоръ смерти былъ подписанъ въ дворѣ Пилата, предъ лицомъ ветхозавѣтнаго храма, блиставшаго прямо противъ Лиоостратона своимъ мѣрнымъ, но уже заходившимъ величіемъ, — предъ лицомъ Іерусалима, который почти весь какъ на ладони видѣлъ съ террасъ дворца Пилата. . И теперь еще, когда уже столько вѣковъ прошло со времени этихъ событій, печать проклятія тяготѣетъ надъ этимъ несчастнымъ дворцомъ, въ стѣнахъ котораго совершилось безпримѣрное въ человѣческой исторіи по своей несправедливости

осужденіе. Нынѣшніе правители Іерусалимскіе боятся жить въ этомъ мѣстѣ преступленія. По показанію іерусалимскаго преданія, тяжелыя видѣнія, подобныя тому, которое мучило жену Пилата въ ночь искупленія, изгнали отсюда жившихъ здѣсь мусульманъ, вслѣдствіе чего дворецъ обреченъ запустѣнію.

Оставалась послѣдняя часть пути, путь на Голгофу. Въ своемъ страстномъ шествіи Іисусъ Христосъ обошелъ уже восточную, южную и сѣверную часть Іерусалима, оставалась сторона западная, обращенная къ намъ, на Европу. Отъ дворца Пилата, по направленію къ западу, идетъ довольно прямая улица, собственно такъ называемая страстная. Около полудня началось по ней печальное шествіе. Если пройти сто шаговъ отъ дома Пилатова, улица будетъ поворачивать нѣсколько налѣво. Тутъ на углу мраморная колонна обозначаетъ мѣсто, гдѣ Спаситель изнемогъ подъ тяжестію креста, возложеннаго на него по обычаю, при выходѣ изъ Пилатова судилища. Не много далѣе, при новомъ поворотѣ улицы направо, на крутизну, указываютъ мѣсто, гдѣ печальную процессію встрѣтилъ Симонъ Киринейскій—да будетъ благословенно имя его!—раздѣлившій съ Іисусомъ тяжелую ношу креста. Тутъ же вышли на встрѣчу съ рыданіями жены іерусалимскія. Не много далѣе домъ, изъ котораго на крикъ толпы вышла св. Вероника и освѣжила лице Богочеловѣка, отерши полотенцемъ его кровавыя ручки. Но вотъ и послѣдняя цѣль путешествія. Трепетъ принимаетъ путешественника, по мѣрѣ приближенія къ замыкавшимъ Іерусалимъ по этому пути воротамъ суднымъ, называвшимся такъ потому, что къ нимъ привѣшивались смертныя приговоры. «По мѣрѣ нашего приближенія къ этому мѣсту, рассказываетъ одинъ благоч. путешественникъ, ноги наши ослабѣвали, какъ будто тяжесть всемірнаго креста доселѣ еще даетъ себя чувствовать проходящимъ этимъ путемъ смерти, слезы закрывали для насъ предметы и не давали видѣть подробностей этого страшнаго мѣста. Мѣсто это дѣйствительно

было страшно. По объясненію евангелистовъ, Голгофа иначе называлась *краниево мѣсто* (по русски это значитъ мѣсто, *череповъ*). Здѣсь воры, убійцы, грабители, измѣнники всякаго рода предавались смертной казни и такъ какъ трупы преступниковъ считались недостойными погребенія, то ихъ бросали тутъ же на растерзаніе шакаламъ, такъ что это мѣсто буквально было устѣяно человѣческими костями, между которыми валялись и орудія казни—кресты, принесенные на плечахъ преступниковъ. Мѣсто за судными воротами теперь застроено, а возвышенность Голгофы осѣнена храмомъ.

Дерзнемъ вступить въ это святилище смерти и воскресенія. Двѣ мраморныя лѣстницы ведутъ теперь съ двухъ сторонъ на вершину Голгофы. Церковь на Голгофѣ очень сумрачна и низка, такъ какъ она обнимаетъ въ своихъ стѣнахъ самую вершину скалы, доходящей почти до потолка. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ вкопанъ крестъ Спасителя стоитъ теперь скромный греческій престолъ, открытый съ боковъ и подъ нимъ круглое, обложенное золотомъ отверстіе, гдѣ стоялъ крестъ. Направо отъ престола видна разсѣлина скалы, распавшейся въ часъ смерти Господа. Ужасный беспорядокъ разбросанныхъ камней, громче исторіи и преданія свидѣтельствуетъ вѣкамъ о совершившемся здѣсь необыкновенномъ событіи, оставившемъ на вѣки неизгладимые слѣды. Другая половина голгофскаго храма принадлежитъ гробу Господню. Евангелистъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ былъ погребенъ близъ того мѣста, гдѣ былъ распятъ. Ближе всего на это печальное мѣсто выходилъ заднею своею стороною садъ Іосифа арииматейскаго, наблюдавшаго за обстоятельствами этого дня и одушевившагося ревностію оказать послѣднюю услугу невинному Страдальцу. По обычаю того времени, каждый достаточный житель Іерусалима считалъ долгомъ еще при жизни приготовить себѣ могилу, гдѣ либо у городскихъ стѣнъ, чтобы по смерти никому не быть обязаннымъ приготовленіемъ мѣста упокоенія.

Іосифъ аримаѳейскій, человѣкъ чужой въ Іерусалимѣ, тоже имѣлъ уже для себя близъ воротъ своего сада и миндальнаго пруда свѣжую пещеру или гробницу, въ которой еще ни одинъ человѣкъ не былъ положенъ. Эта-то пещера или гробница удостоилась быть предметомъ высшаго поклоненія, какое только возможно земному праху, съ того времени, какъ ея приснопамятный владѣтель уступилъ ее лишенному гробницы Богочеловѣку. Пещера гроба Господня въ настоящемъ видѣ нѣсколько ниже чѣмъ нужно для того, чтобы въ ней можно было стоять прямо, а въ длину равна сажени. Каменная глыба, на которой лежало пречистое тѣло Іисуса, обложена теперь бѣлымъ мраморомъ. Тридцать шесть золотыхъ и серебрянныхъ лампадъ днемъ и ночью освѣщаютъ сумракъ пещеры. Свѣжіе цвѣты наполняютъ здѣсь благоуханіемъ воздуха. Благовонныя масти и слезы, слезы молящагося человѣчества не перестаютъ орошать смертное ложе Искупителя.

Вотъ тѣ святѣйшія мѣста на земномъ шарѣ, куда съ благоговѣніемъ обращаетъ взоры весь подлунный міръ и будетъ обращать, пока будетъ существовать міръ въ его нынѣшнихъ формахъ. Онѣ слишкомъ много и слишкомъ ясно говорятъ въ-рующему сердцу, чтобы намъ нужно было прибавлять къ воспоминанію ихъ слово назиданія. Напомнимъ только, что благочестивые почитатели креста Христова—учители церкви находили въ страстномъ пути Христовомъ образъ жизни каждаго христіанина. Въ самомъ дѣлѣ мало ли что приходится встрѣчать человѣку на пути къ вѣчной жизни, что требуетъ тяжкихъ усилій, сопряжено съ испытаніями, скорбію и страданіями? Видимые и невидимые враги спасенія нашего развѣ не напоминаютъ собою іудейской толпы, жаждущей крови, развѣ не голятъ душу страстнымъ путемъ до Голгофы. А весь міръ, окружающій насъ, развѣ не юдоля Іосафатова, въ которой мы ходимъ, по выраженію пророка, ошупью какъ слѣпые, въ которой отовсюду вѣетъ смертію и разрушеніемъ, а еще болѣе нравственнымъ разложениемъ и порчію?.. И

если бы не свѣтъ вѣры озарялъ путь нашъ, какъ свѣтъ луны въ ночь искупленія, не сила молитвы и покаянія, развѣ не пали бы мы на первый камень соблазна, развѣ не унесъ бы насъ безвозвратно потокъ Кедрскій, широкій и бурный потокъ грѣховаго лада нашей повседневной жизни?..

Да, пр. хр., жизнь истинно христіанская и жизнь подвижническая—одно и тоже. Нельзя быть ученикомъ Христовымъ, не слѣдуя за Нимъ, а Его путь—страстный. Аминь.

А. Олещицкій.
